

ОТВѢТЪ ПРОФЕССОРУ В. А. КЕРЕНСКОМУ.

Подъ заглавіемъ „Кто виновать?“ помѣщена въ декабр. № 1903 „Христианскаго Чтенія“ статья проф. В. А. Керенскаго. Поводомъ къ ея написанію была моя статья въ Церковномъ Вѣстникѣ (№№ 26, 27 и 28 того же года, озаглавленная „Старо-Католики и Вселенская Церковь), разборомъ которой и занялся мой почтенный оппонентъ. Основная мысль его такова: дѣло воссоединенія старо-католиковъ съ православною церковью подвигается медленно. „Кто же виновать“ въ этой медлительности, мы или старо-католики? По мнѣнію В. А. Керенскаго виноваты старо-католики. Мнѣ же, очень для меня неожиданно, В. А. приписываетъ мысль, будто вину эту я возлагаю на нашу *Церковь*.

Продолжительная полемика между старо-католическими богословами и нѣкоторыми изъ нашихъ вращалась до сего времени почти исключительно около ученій о „Filioque“ и о „пресуществленіи“. Въ послѣднее время она обогатилась вопросомъ о понятіи—„Церковь“, объ опредѣленіи этого выраженія. Онъ былъ поставленъ на очередь Епископомъ Ямбургскимъ пресв. Сергіемъ, и, замѣчу—весьма кстати: обходить его ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Перехожу къ пунктамъ разногласія между мною и проф. Керенскимъ, тоже останавливающимся на сихъ вопросахъ.

По поводу „Filioque“ я сказалъ, что вопросъ о немъ можетъ считаться исчерпаннымъ, въ особенности послѣ появленія въ печати замѣчательнаго изслѣдованія представленнаго синодальной Коммисіи покойнымъ профессоромъ Болотовымъ. В. А. Керенскій, признаетъ, правда, ученый авторитетъ пр. Болотова, но прибавляетъ, что я на-

прасно придаю такое рѣшающее значеніе статьѣ, про которую самъ авторъ заявлялъ, что она выражаетъ „только его личное мнѣніе“; я же придаю ей, будто бы, „какое-то непогрѣшимо-авторитетное“ значеніе (стр. 727). Во первыхъ частныя мнѣнія не только профессоровъ (хотя бы и извѣстнѣйшихъ), но и кого бы то ни было, даже и *отдѣльныхъ* Отцевъ Церкви, я не могу признать непогрѣшимыми; таковыми (непогрѣшимыми), какъ извѣстно, признаются лишь ученія непосредственно основанныя на точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ Св. Писанія, на *догматическихъ* постановленіяхъ Вселенскихъ соборовъ и на *единогласномъ* ученіи Отцевъ Церкви (Замѣчу, что ученіе о Filioque не имѣетъ ни одного изъ этихъ основаній). Правда, въ началѣ своего изслѣдованія, покойный профессоръ говоритъ, что онъ выражаетъ въ немъ свое *частное* мнѣніе; далѣе онъ говоритъ, что рукопись, послужившая основаніемъ изслѣдованія, не предназначалась для печати и что онъ передѣлалъ въ ней *ad hoc* нѣкоторыя страницы. Въ какомъ же отношеніи, однако, могутъ эти указанія уменьшить *объективно-научное значеніе* этой статьи? Все это могло бы отразиться лишь на ея формѣ а *отнюдь не на ея содержаніи*. Болотовъ, ученѣйшій и скромнѣйшій человѣкъ, никогда и ни въ чемъ не выставлялъ себя безапеллятивнымъ и непогрѣшимымъ (это конечно подтверждаютъ всѣ тѣ, которые, какъ не разъ и я, обращались къ нему за совѣтомъ и поученіемъ); но онъ говорилъ всегда очень опредѣленно, точно, такъ сказать, „документально“. А когда писалъ, *да еще печаталъ*, то уже конечно вполнѣ обдуманно; къ его писаніямъ можно примѣнить поговорку: что написано (его) перомъ — того не вырубишь топоромъ! Повторяю: въ статьѣ о Filioque Болотовъ высказывается совершенно ясно, полно и точно. Такъ какъ не всѣмъ читателямъ „Богословскаго Вѣстника“ извѣстны „тезисы“ Болотова, то, для поясненія моей аргументаціи—я приведу нижеслѣдующіе: „Содержаніе догмата—истина, истинное. Содержаніе теологумена — *впрямое*. Область догмата—„Necessaria“; область теологумена—„Dubia“. „In necessariis unitas—in dubiis libertas!“ „Никто не можетъ мнѣ запретить держаться (какъ личнаго мнѣнія) теологумена, ежели онъ былъ высказанъ хотя бы однимъ Отцемъ Церкви; само собою разумѣется, если не будетъ

доказано, что мнѣніе это было объявлено ошибочнымъ „компетентнымъ сужденіемъ Церкви“.

„Православная русская Церковь признаетъ догматомъ (credendum de fide) *лишь ту истину*, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и что Онъ единосущъ съ Отцемъ и Сыномъ. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть понимаемъ и отвѣтъ простр. Катихизиса на вопросъ: „можетъ ли ученіе о Св. Духѣ подлежать какому либо измѣненію или дополненію?“— „Нѣтъ не можетъ“. Догматъ не подлежитъ дополненію, ни пояснительнымъ прибавленіемъ „черезъ сына“, ни ограничительнымъ отъ „Единого Отца“. Посланіе Св. Духа Болотовъ считаетъ конечно не временнымъ, а вѣчнымъ. Выраженію „отъ Единого Отца“ (исходящаго) говорить Болотовъ не только не достаеетъ санкціи вселенскаго Собора, но даже и той степени авторитетности, которая принадлежитъ богословскому термину (выраженію), которое бы употребляемо было Отцами Церкви. Патр. Фотію было бы очень трудно оправдать *ἐκ λόγων τοῦ Πατρὸς* ссылками на сочиненія Отцевъ Церкви“.

Въ тезисѣ 20-мъ Болотовъ говоритъ: „многіе западные (іерархи), которые своимъ паствамъ проповѣдывали Filioque, жили и умирали, находясь въ общеніи таинствъ съ Восточною Церковью, не получая ни съ чьей стороны какого-либо противу сего возраженія“. Въ тезисѣ 25 говорится: „Патр. Фотій и его преемники находились въ общеніи съ Западною Церковью, не получая отъ нея отрицанія Filioque „*verbis explicitissimis*“ и не требуя онаго отъ Западной Церкви“.

Въ тезисѣ 26; „Отдѣленіе Церкви (латинской) было причинено не ученіемъ о Filioque“.

Въ тезисѣ 27: „Filioque, понимаемое какъ частное богословское мнѣніе, не можетъ быть разсматриваемо какъ *impedimentum dirimens* къ возстановленію общенія между православной Восточною и старо-католической Церквями“.

Обращаю вниманіе моего почтеннаго оппонента на эти тезисы: сила ихъ и значеніе состоятъ не въ томъ, что они вышли изъ-подъ пера первокласснаго русскаго ученаго, а въ ихъ внутреннемъ, объективномъ значеніи. Замѣчу кстати, что Фотій, великій государственный мужъ и первѣйшій богословъ своего времени, и не думалъ оспаривать факта, что великіе святые и Отцы Церкви придерживались ученія о Filioque. Догматъ „Filioque“ и мнѣніе о немъ два дѣла со-

вершено разныя. У насъ на это очень многіе не обращаютъ вниманія: свободныхъ богословскихъ мнѣній для нихъ не существуетъ. Для нихъ все догматъ, а все что расходится съ современной официальной доктриной — несомнѣнная ересь!

Нужно ли говорить о *пресуществленіи*? Казалось бы что нѣтъ, не нужно—въ виду тѣхъ объясненій, которые давали и даютъ ст.-католики. Разъ, однако, вопросъ этотъ снова ставится на очередь—приходится снова его коснуться, и, хотя вкратцѣ снова его пояснить. Въ предъидущихъ моихъ статьяхъ я указывалъ на тождественность ученія ст. католиковъ о таинствѣ евхаристіи—съ нашимъ; въ подтвержденіе сего я привелъ наше катихизическое опредѣленіе таинства: „...вѣрующій, подъ видомъ хлѣба и вина вкушаетъ *самаго* Тѣла и Крови Христовой“ и сопоставилъ его съ (тождественнымъ) ст. католическимъ „Wir empfangen den Heiland selbst unter den Gestalten von Wein und Brod“, прибавя, что ст. католики принимаютъ (признаютъ истинными) и тѣ выраженія, которыми нашъ катихизисъ старается пояснять слово „пресуществленіе“.

По этому поводу пр. Керенскій (стр. 723), беря подъ свою защиту „русскихъ богослововъ“ (не нѣкоторыхъ изъ нихъ—а вообще русскихъ богослововъ), „увѣряетъ меня, что моя реплика по отношенію ихъ (правосл. богослововъ) совершенно напрасна“. Но вѣдь я никогда и не думалъ обращать мои укору къ русскимъ богословамъ вообще; это было бы съ моей стороны и несправедливо и очень неосмотрительно. Вѣдь богословы бываютъ различныя, и ихъ очень много; *нѣкоторыхъ* я укоряю, *другихъ* нѣтъ (у сихъ послѣднихъ я нахожу себѣ—поученіе и опору моимъ мнѣніямъ). Неужели г. Керенскій такого плохаго мнѣнія о моей сообразительности, что я бы не остановился передъ предполагаемымъ имъ крупнымъ фактомъ: съ одной стороны стоятъ „русскіе богословы“, а съ другой стою и ратую противъ нихъ — я! Вѣдь ежели бы дѣло обстояло дѣйствительно такъ, я бы не могъ не созвать всей безвыходной комичности моего положенія: къ счастью ничего этого нѣтъ, я нахожусь въ согласіи съ многими русскими богословами, составъ коихъ весьма не однороденъ! Впрочемъ это не важно, вѣроятно это лишь lapsus calami у моего почтеннаго оппонента. Обращаюсь къ сущности дѣла.

Я не разъ уже имѣлъ случай указывать и на то, что ни митроп. Платонъ, ни, до начала 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія, митроп. Филаретъ не считали нужнымъ вводить слово пресуществленіе въ свои катихизисы. Милліоны людей стало быть безъ него обходились, а теперь оказывается, что оно сдѣлалось необходимымъ и что будто бы „русскіе богословы“ такъ именно и думаютъ. Нѣтъ, смѣю увѣрить почтеннаго В. А., что есть богословы думающіе иначе. Не странно ли предположеніе, дѣлаемое сторонниками слова „Трансубстанціація“, что два нашихъ извѣстнѣйшихъ митрополита новаго періода не знали и не понимали, чему именно слѣдуетъ вѣрить каждому православному, чему должна быть обучаемая православная паства, что именно „de fide“ и что нѣтъ! и вотъ, какъ оказывается, они забыли о Трансубстанціаціи, столь необходимой для правильнаго пониманія таинства евхаристіи! Они видно не понимали полезности и легкости метафизическаго объясненія таинства, придуманнаго глубокимъ богословомъ Пасхазіемъ Радбертусомъ. У насъ не хотятъ довольствоваться объясненіями ст. католиковъ, ссылающихся между прочимъ и на наши катихизисы, преимущественно потому, что многіе ¹⁾ не уясняютъ себѣ значеніе слова „духовность“, которое они отождествляютъ съ словомъ „отвлеченность“. Для многихъ изъ насъ „реальнымъ“ считается лишь матерія; гдѣ нѣтъ матеріи — тамъ нѣтъ и реальности, а есть лишь отвлеченность, есть символизмъ. Отсюда и стремленіе къ матеріализаціи таинства, объяснимое именно желаніемъ сдѣлать его грубо-осязательнымъ, (тѣло Христово превращается въ „мясо“, о которомъ, со словъ Хомякова, упоминаетъ и преосв. Сергій). Вообще въ статьяхъ епископа Ямбургскаго о трансубстанціаціи въ Церковномъ Вѣстникѣ 1903 г. вопросъ поставленъ чрезвычайно рельефно и вѣрно. Преосв. Сергій конечно стоитъ на строго-реальной почвѣ, онъ отвергаетъ всяческой символизмъ въ таинствѣ, но онъ далекъ и отъ его матеріализаціи, столь любезной многимъ богословамъ, забывающимъ реальную духовность таинства. Вкушая хлѣбъ и вино, говоритъ онъ, мы вѣруемъ, что причащаемся Тѣла и Крови Христовыхъ, но

¹⁾ Къ числу коихъ я конечно не причисляю моего почтеннаго оппонента.

какъ это происходитъ — мы не знаемъ. Раздробляя своими зубами *хлѣбъ*, мы не скажемъ, что раздробляемъ Тѣло Христово, что оно остается у насъ въ зубахъ, и, ощущая въ своемъ рту теплое вино, мы не рѣшаемся подуматъ, что это теплота Крови Господней. Не даромъ въ чинѣ литургіи диаконъ передъ причастіемъ говоритъ священнику „раздоби, владыко, святый „хлѣбъ“, хотя таинство уже совершилось. *Преложеніе совершается духовно, Тѣло и Кровь Христовы остаются явленіями духовными и питаютъ насъ духовно.*

Думается мнѣ, что ежели бы мы, съ самаго начала нашихъ сношеній со ст. католиками, представили имъ дѣло въ этомъ видѣ, выразили бы наше мнѣніе именно этими словами, не было бы написано и многихъ лишніхъ страницъ о Трансубстанціаціи. Ст. католики, тоже, и даже болѣе насъ испытавшіе на себѣ вредное вліяніе матеріалистическаго пониманія таинства евхаристіи, такъ старательно и оговариваются въ своихъ отвѣтахъ, такъ настойчиво и отказываются отъ навязываемаго имъ нѣкоторыми изъ насъ „Пресуществленія“, ибо знаютъ лучше насъ, къ чему оно ведетъ. Они говорятъ, что, согласно съ нашимъ катихизисомъ, они вѣруютъ, что хлѣбъ и вино суть „истинно, дѣйствительно и существенно“ Тѣло и Кровь Спасителя *vere, realiter et substantialiter*—прибавляя *sed non carnaliter* (отъ caro — мясо). Видѣлите изъ Вашей формулы „мясо“—и мы единомышленны, говорятъ намъ ст. католики. Къ счастью, не всѣ наши богословы на немъ настаиваютъ, понимая, что такой латинскій матеріализмъ такъ же далекъ отъ истины, какъ и пустой символизмъ протестантовъ.

На таинство евхаристіи люди смотрятъ различно, въ зависимости и отъ ихъ способностей пониманія и отъ уровня ихъ культуры и отъ взгляда на значеніе таинствъ вообще. Въ немъ можно видѣть явленіе чудодѣйственно-матеріалистическое „химическое чудо“, какъ говоритъ Хомяковъ (это взглядъ латинскаго происхожденія). Можно видѣть въ немъ лишь символъ, лишь дѣйствіе *напоминающее* установленіе Евхаристіи Спасителемъ на основаніи словъ Христа: „сіе творите въ мое *вспоминаніе*“ (1-ое Кор. гл. 11-ая 24 и 25) — таковъ взглядъ кальвинистовъ. Можно признавать и дѣйствительное присутствіе Христа въ евхаристіи, но не обьективно, а лишь въ зависимости отъ вѣры причащающагося

(это взглядъ лютеранъ). Наконецъ есть взглядъ православный, выраженный въ статьи преосв. Сергія: „предложеніе совершается духовно, тѣло и кровь, питающіе насъ духовно, остаются явленіемъ духовнымъ“, но „они есть въ действительности (realiter) помимо нашего личнаго отношенія къ элементамъ таинства“. Это именно и есть центральный пунктъ православнаго ученія объ *евхаристіи*; не въ мускулахъ, не въ костяхъ, не въ мясѣ ¹⁾ дѣло, а въ *духовно-реальной объективности* таинства. По прочтеніи многосодержательной статьи преосв. Сергія, я обратился въ редакцію *Revue internationale de Théologie* и запросилъ проф. Мишо: соглашается ли онъ съ такимъ православнымъ взглядомъ? Въ дополненіе всего прежде сказаннаго онъ мнѣ отвѣтилъ: Мы (ст. католики) придерживаемся ученія о сакраментальномъ присутствіи Христа, которое находится у Отцевъ Церкви, т. е. (учимъ) *духовно-объективному* присутствію (Христа въ *евхаристіи*)—*la présence objective spirituelle*. Это равно (одинаково) удалено (*éloigné*) и отъ *материалистическаго реализма* нѣкоторыхъ латинствующихъ, и отъ *пустой фигуральности* (*figurisme vide*) нѣкоторыхъ кальвинистовъ.

Вполнѣ признавая всю важность новой постановки вопроса (объ *евхаристіи*), данной преосв. Сергіемъ, я обратился за выясненіемъ дѣла тоже и къ Епископу Германскихъ ст. католиковъ Д-у Веберу. И онъ отвѣтилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, какъ и профессоръ Мишо.

Я спрашивалъ его: признаютъ ли ст. католики несомнѣнную объективность таинства *евхаристіи*, поясняя мою мысль цитатою изъ вышеприведенной статьи преосв. Сергія? „Мы (православные) вѣруемъ, что (въ *евхаристіи*) Тѣло и Кровь Христа остаются явленіями духовными и питаютъ насъ духовно, но что они есть въ действительности, помимо нашего личнаго отношенія къ элементамъ таинства“, что „таинство происходитъ съ хлѣбомъ и виномъ, а не съ душою только причащающагося“. Этими дополнительными поясненіями, писалъ я епископу, вполнѣ и явно устраняется возможность субъективнаго (протестантскаго пониманія таинства).

Въ отвѣтъ на мой запросъ Е. Веберъ пишетъ мнѣ (29-го

¹⁾ Столь дорогіе нѣкоторымъ изъ нашихъ богослововъ, ревностно отстаивавшихъ ихъ противъ моего преступнаго „вольнодумства“.

января 1904): „Я само собою (разумѣется) (Selbstverständlich) отвѣчаю Вамъ совершенно въ Вашемъ смыслѣ (Sinne). По Католическому, понятно—и по ст. католическому пониманію (Auffassung) (такъ какъ ст. католицизмъ есть вѣдь лишь истинное и полное Католичество) *вслѣдствіе освященія* (in Folge der consecration) прежній хлѣбъ и прежнее вино *уже не* хлѣбъ и вино, но (sondern) Тѣло и Кровь Христа, безразлично (gleichviel) вкушаетъ ли *ихъ кто-либо, или нѣтъ*; они и остаются *тѣломъ и кровію Христа*, пока (so lange) остаются и самые виды (Gestalten, Species, *файнбюева*). Е. Веберъ прибавляетъ, что именно таковó ученіе ст. католиковъ, какъ о томъ они заявляли совершенно ясно и при томъ не разъ.

Трудно, мнѣ кажется, яснѣе и полнѣе указать на объективное значеніе таинства евхаристіи, и конечно никакой протестантъ подъ этимъ не подпишется. И такъ: мы имѣемъ свидѣтельство ст. католиковъ, что они признаютъ, что подъ видомъ хлѣба и вина мы вкушаемъ Тѣло и Кровь Самого Христа, что они суть („бываютъ“) ими—vere, realiter et substantialiter, наконецъ, что они суть („бываютъ“) таковыми не зависимо отъ вѣры („отъ души“) причащающагося; чѣмъ и утверждается объективное, а не субъективное значеніе таинства. Право на этомъ можно бы и успокоиться, считая объясненія ст. католиковъ совершенно православными и довлѣющими! Нельзя, мнѣ кажется, оставить безъ вниманія и того факта (я и на него указывалъ не разъ), что „чинъ“ принятія Лютеранъ и Кальвинистовъ въ лоно православной Русской Церкви, когда-то жестокой, нынѣ гуманный, не требуетъ отъ присоединяемыхъ исповѣданія ученія Трансубстанціаці; о немъ теперь даже и не упоминается. Я однажды указалъ на этотъ знаменательный фактъ одному изъ нашихъ поборниковъ ученія Трансубстанціаці. Онъ на это, ничтоже сумняся, отвѣтилъ мнѣ: Что же это доказываетъ? только то, что Церковь наша *должна будетъ* его ввести въ чинъ присоединенія! Конечно столь авторитетное, властное распоряженіе Церковью—очень просто и смѣло, а извѣстно, что „смѣлость города беретъ“! Мнѣ, однако, все таки кажется, что въ богословскихъ спорахъ это оружіе не надежное!

Пр. Керенскій указываетъ еще на нѣкоторыя другія усма-

триваемыя имъ провинности и неправильности въ ст. католическихъ писаніяхъ; между прочимъ на некрасивую выходку „Нѣмецкаго Меркурія“, вышучивающаго, со словъ нашихъ псевдо—„свободомыслящихъ“, паломничества въ Сарово. Я долженъ, по поводу этой выходки, повторить то, что многократно говорилъ о писаніяхъ ст. католиковъ. Всего печатаемаго ст. католиками не должно считать выраженіемъ взглядовъ *ст. католической церкви*; даже и мнѣнія „Revue I. d. Théologie“ суть лишь частныя мнѣнія. Къ сожалѣнію мы такъ привыкли къ „режиму“ цензурной опеки, что ни какъ не можемъ свыкнуться съ инымъ, „режимомъ“, который, по моему смиренному мнѣнію, едва ли не болѣе достоинъ величія христіанской религіи. Развѣ вынужденное молчаніе мѣшаетъ думать, (хотя бы и ложно?). Оно ведетъ лишь къ тому, что неправильная, иногда и глупая мысль, оставаясь безъ основательнаго и гласнаго опроверженія, продолжаетъ свою вредную подпольную работу! Замѣчу притомъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ свободной полемики — нѣтъ и твердыхъ убѣжденій.

Очень достается отъ пр. Керенскаго ст. католическому богослову Ширмеру, котораго онъ считаетъ предстанителемъ оффиціальнаго ученія ст. католической церкви, явно склоняющагося „къ протестантизму“. Такой взглядъ не правиленъ; въ Grundriss'ѣ Ширмера, ничуть не протестанта, есть много цѣннаго, напр. какое у него вѣрное пониманіе религіи: она, говоритъ Ш., не есть дѣло одного разума. Знаніе о Богѣ, еще не дѣлаетъ человѣка благочестивымъ. Религія не состоитъ тоже въ одномъ чувствѣ — это повело бы къ пустой мечтательности (Schwärmerei) и сентиментальности. Столь же мало есть она и дѣло одной воли, при чемъ религія превратилась бы (aufgehen) въ (научную) мораль; нѣтъ, религія — дѣло *всего* *человѣка*, она могущественно, властно захватываетъ всѣ три способности его души. Развѣ это не справедливо? Совсѣмъ славянофилъскій взглядъ! О церкви говорится: Для распространенія царства Божія на землѣ Спаситель основалъ церковь—общество (Gemeinschaft) своихъ вѣрующихъ. Такимъ образомъ, царство Божіе, само по себѣ невидимое (ибо оно находится въ сердцахъ людей (Лука 17, 21...) дѣлается видимымъ въ своемъ явленіи ¹⁾ (Erscheinung). Тѣ, которые хо-

¹⁾ Многие у насъ упрекаютъ ст. католиковъ въ томъ, что они, будто бы, не признаютъ „видимой“ церкви!

тять къ нему принадлежать—связываются другъ съ другомъ въ общество—Церковь. О Духъ Святомъ говорится, что онъ вѣчно исходитъ отъ Отца и единосущъ Отцу и Сыну. Все это, мнѣ кажется, совершенно вѣрно? Пр. Керенскій очень строго относится къ Grundriss'у Ширмера, сочиненіе это онъ называетъ „Катихизисомъ“, новѣйшей вѣроисповѣдной книгой ст. католиковъ. Но вѣдь сочиненіе это у насъ давно извѣстно и совсѣмъ не новое. Это то самое, которое три года тому назадъ, было горячо одобрено и даже признано кружкомъ русскихъ православныхъ издателей („друзьями Муравьева“) достойнымъ дополнить кругъ напечатанныхъ ими „наиболѣе извѣстныхъ и назидательныхъ сочиненій“, каковы: Сборникъ мыслей Митр. Филарета и другія. Оно тогда же и было переведено по русски въ назиданіе православнымъ. Повторяю—прекрасная книжка! Критика почтеннаго профессора, кажется, притомъ нѣсколько и поспѣшна. Такъ, Ширмеръ говоритъ, что ст. католики отвергаютъ *римско - католическое* почитаніе мощей (реликвій)... а В. А. за это его укоряетъ; но вѣдь дѣло идетъ о римско - католическомъ почитаніи, а не о почитаніи ихъ вообще! Едва ли намъ нужно заявлять о нашей солидарности съ римско-католиками въ этомъ отношеніи! Ежели бы пр. Керенскій пожилъ на католическомъ югѣ Европы, онъ бы убѣдился до какой степени это почитаніе мощей и связанная съ ними агіология обросли суевѣрїями, до какой степени оно въ своихъ типическихъ представителяхъ схоже съ идолопоклонствомъ и не схоже съ христіанствомъ! Дѣло это обоюдоострое; въ такихъ вопросахъ нужно имѣть въ виду обѣ ихъ стороны. Солидарность наша съ усоншими святыми несомнѣнно укрѣпляетъ нашу вѣру, усиливаетъ нашу надежду на достиженіе блаженства; мы становимся тверже сознавая, что мы принадлежимъ къ великой семьѣ чадъ церкви небесной, что мы живемъ со святыми одною общею мощною жизнью; но нельзя не остерегаться и соединенныхъ съ не правильно понимаемымъ почитаніемъ святыхъ—явныхъ суевѣрїй, которыя иногда оказываются хуже недостатка вѣры, а иногда и прямо отталкиваютъ отъ религіи. Не безъ основанія открещаются ст. католики отъ *латинскаго* почитанія святыхъ. Вѣдь превеличенія и искаженія разныхъ „житій“, разныхъ легендъ о чудесахъ и т. п., появляющіяся у нѣкоторыхъ нашихъ

благочестивыхъ писателей и въ сравненіе не могутъ идти съ тѣмъ, что еще и доселѣ преподается римско-католическому люду! не далѣе какъ въ 1903 году отпечатано житіе св. Терезіи (ея мощи находятся гдѣ-то на сѣверѣ Франціи), въ которомъ подробно рассказано, какъ она и ея товарки-монахини избавились благодаря ея молитвамъ и устроенному ею крестному ходу—отъ блохъ, отъ которыхъ и доселѣ мощи святой оберегаютъ ея монахинь. А „мощи“ одиннадцати тысячъ мученицъ, которымъ долго поклонялись прирейнскіе католики, и которыя оказались принадлежащими одной святой—Ундецимиллѣ! Во всякомъ случаѣ не справедливо пенять на ст. католиковъ за то, что они сторонятся отъ римскаго поклоненія святымъ.

Кстати о Ширмерѣ и его писаніяхъ — приведу изъ цитированнаго мною выше письма Еп. Вебера слѣдующее мѣсто: мы (нѣмецкіе ст. католики) имѣемъ лишь *одинъ* официальный органъ: „Das altcatholische amtliche Kirchenblatt“; всѣ другіе органы (Altcatheolisches Volksblatt, Deutscher Merkur, Revue...) не имѣютъ ни официального ни официознаго характера. Авторы ихъ сами за нихъ отвѣчаютъ, объ этомъ много разъ было заявлено. Тѣ, которые хотятъ изучать основанія нашей вѣры, должны обратиться къ нашимъ литургическимъ книгамъ, къ Amtliches Kirchenblatt, нашимъ синодальнымъ постановленіямъ и къ отвѣту нашей комиссіи (для соединенія церквей).

Пр. Керенскій говоритъ, что въ *полнѣйшемъ соответствіи съ Ширмеромъ*, въ ст. кат. Календарѣ... *отвергается* даже (стр. 72) *почитаніе Св. Маріи!* Такой цитатъ заставляетъ меня думать, что и тутъ почтенный В. А. прочелъ невнимательно инкриминированное имъ мѣсто; страница Grundriss'a приведена вѣрно (41). Но у Ширмера сказано: ст. католическая церковь считаетъ (stellt) *устанавливаетъ* достойною *особеннаго* почитанія пресвятѣйшую (преблаженнѣйшую) (aller-selig-ste) Дѣву Марію—Матеръ нашего Спасителя. Гдѣ же тутъ отверженіе почитанія Св. Маріи?!

Закончу вопросъ о Ширмерѣ приведеніемъ слѣд. мѣста его Grundriss'a (стр. 42 § 22 (.) 2). Сказавъ, чѣмъ ст. католическая церковь отличается отъ латинской и евангелической церквей, Ширмеръ говоритъ: Отъ русской же и другихъ восточныхъ православныхъ (orthodoxen) церквей ст. католиче-

ская отличается лишь въ несущественныхъ вещахъ (unwesentlichen Dingen), какъ-то: употребленіе въ причастіи не кваснаго хлѣба, обливаніе (при крещеніи). Общее же догматическое основаніе (Standpunkt)—одно и тоже.

Центръ тяжести статьи пр. Керенскаго, однако не въ этихъ второстепенныхъ вопросахъ. Перехожу къ болѣе крупнымъ. Пр. Керенскій сомнѣвается (704) въ томъ, что ст. католики „признаютъ Восточную Церковь догматически безусловно православною“, и указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ между прочимъ на того-же Ширмера. Мы видѣли уже, что Ширмеръ, въ только что приведенномъ мѣстѣ его Grundriss'a, признаетъ тождественность догматическаго ученія православной и старокатолической церквей; но свою-то, ст. католическую церковь онъ вѣдь несомнѣнно считаетъ православною, стало быть онъ ео ipso признаетъ православною—и нашу! Ст. католики желаютъ съ нами соединиться. Можно ли предположить, что они ищутъ соединенія съ церковью не православною, еретическою! Вѣдь это было бы совершенно нелѣпо, безцѣльно!

Сомнѣнія являютъся у г. Керенскаго (да и не у одного его) вотъ еще по какому случаю: ст. католики признаютъ насъ догматически православными (это несомнѣнно), но они дѣлаютъ при этомъ оговорку, что въ нашей богословской наукѣ существуютъ такія теченія мысли (Strömungen), которыя основаны не на св. писаніи и не на постановленіяхъ Вселенскихъ соборовъ, которымъ между тѣмъ очень многіе у насъ придаютъ не подобающее имъ догматическое значеніе. Очевидно, что это представляетъ серіозное препятствіе на пути къ соединенію и пока мы въ этомъ вопросѣ не разберемся, пока мы не отдѣлимъ „necessaria“ отъ „dubia“, дѣло не двинется! Останемся мы на догматической почвѣ древней церкви (согласно многократнымъ нашимъ заявленіямъ)—соединеніе несомнѣнно, оно лишь дѣло времени; будемъ мы съ нею сходить (въ нашихъ требованіяхъ обращенныхъ къ ст. католикамъ), воссоединенія быть не можетъ. Дѣло это совершенно выяснилось! Вотъ что пишетъ мнѣ по этому поводу Dr. Веберъ, епископъ ст. католиковъ Германскихъ: Да. Ваша настоящая церковь не отрицаетъ ни одного догмата древневселенской церкви; но относительно того, что церковь ваша не придаетъ догматическаго авторитета такимъ ученіямъ, которымъ древняя церковь такого авторитета не прида-

вала, я не смѣю высказаться столь-же рѣшительно, ибо въ православной церкви существуютъ такія ученія (теченія мысли, *Strömungen*), которыхъ церковь древняя въ догматы не возводила“. Но можемъ ли мы отрицать существованіе у насъ такихъ теченій и *несомнѣнное ихъ вліяніе*? Конечно нѣтъ! Правда, если сравнить старинныя теченія мысли, старинныя побочныя ученія съ послѣдующими, напр. XVIII ст., а эти съ настоящими, прогрессъ окажется несомнѣнный. Несомнѣнно и то, что будущія поколѣнія нашихъ богослововъ выметутъ изъ храма науки многія измышленія современныхъ нашихъ „охранителей“; но нельзя не сказать, что *пока*—они еще очень могущественны, и, если-бы въ настоящее время къ отысканію божественной истины былъ примѣненъ политическій принципъ всеобщаго голосованія, истинѣ этой пришло бы несомнѣнно очень плохо! Къ счастью церковь наша въ такомъ экспериментѣ не нуждается.

Да, представители псевдо-охранительныхъ теченій, считающіе себя призванными „защитать истину отъ вольнодумства и безвѣрія“ еще могущественны и въ духовной литературѣ и въ общественныхъ собраніяхъ. Нужны ли примѣры? припомню плачевный инцидентъ съ лекторомъ, читавшимъ въ конногвардейскомъ манежѣ переводъ Фаррара (если не ошибаюсь „Ап. Павла“). Онъ едва спасся, при помощи одного офицера, отъ разъяренной толпы, которой одно духовное лицо тутъ-же объяснило, что такую еретическую проповѣдь нельзя допускать на святой Руси! Другимъ примѣромъ (литературнымъ) можетъ служить недавно появившееся сочиненіе благочестиваго „ревнителя“, въ которомъ между прочимъ описывается одно видѣніе Пресв. Богородицы, заявившей, что Она будетъ покровительствовать тѣмъ, которые будутъ „служить монахинямъ одного Ею любимаго монастыря; этихъ Она помянетъ предъ Богомъ, тѣхъ же, которые обидятъ этихъ монахинь“, *тотъ будетъ Ею пораженъ!*“ Такихъ примѣровъ можно бы привести много, они вѣдь извѣстны; мнѣ скажутъ, что это взгляды частныхъ лицъ, и что они не могутъ быть поставлены на счетъ нашей церкви! Да кто же объ этомъ думаетъ? Не я конечно! Церковь не состоитъ исключительно изъ такихъ „ревнителей“, но факты несомнѣнно доказываютъ существованіе у насъ такихъ многочисленныхъ ревнителей и такихъ теченій мысли, которыя хотя и не имѣютъ

ничего общаго съ истиннымъ ученіемъ православной церкви, несомнѣнно однако у насъ на лице! Развѣ напр. такой взглядъ на Пресв. Богородицу, собирающуюся мстить за обиду своихъ монахинь, не чисто латинскій, чтобы не сказать языческій? и развѣ старо-католики не въ правѣ дѣлать оговорки, когда дѣло идетъ о *такомъ* Бя почитаніи! А у насъ сейчасъ же готово обвиненіе въ невѣріи, въ ереси! Какъ! ты осмѣливаешься сомнѣваться въ такомъ-то и такомъ-то чудѣ? ты не вѣришь въ чудеса? Ты ограничиваешь власть Пресв. Богородицы! и т. д. и т. д. Какъ спорить съ такими людьми? Трудно! но не легко съ ними и соединяться. (Конечно этого я не отношу къ моему настоящему оппоненту).

Вотъ этихъ-то теченій и опасаются старо-католики, отъ нихъ-то и отговариваются! Повторяю, старо-католики желаютъ несомнѣнно съ нами возсоединиться, но конечно лишь на основаніи догмата нераздѣленной Церкви, а не „современныхъ теченій“. Церковь же нашу они несомнѣнно признаютъ предстательницей и правопріемницей древней, нераздѣленной Церкви первыхъ восьми вѣковъ.

Пр. Керенскій не соглашается со взглядами старо-католиковъ на „Церковь“. Мнѣ кажется, что при этомъ происходитъ нѣкоторое недоразумѣніе: опредѣленіе Церкви, представляемое старо-католическими учеными православно, но нуждается въ поясненіи; они его распространяютъ, прибавляя къ числу пасомыхъ нашей восточной церкви не только самихъ себя и своихъ единовѣрцевъ, но еще и всѣхъ тѣхъ, которые, гдѣ бы они ни находились,—вѣруютъ православно! Конечно польза приносимая такими, весьма не многочисленными, христіанами очень сомнительна, но, само по себѣ, такое расширенное опредѣленіе церкви не невѣрно, тѣмъ болѣе, что старо-католики вводятъ въ него весьма существенныя коррективы; такъ тотъ же Епископъ Германскихъ старо-католиковъ Веберъ пишетъ мнѣ: „человѣкъ, сознающій (чувствующій) себя православнымъ—долженъ сообразно сему и дѣйствовать, присоединиться къ какой-нибудь православной церкви, или, какъ поступили старо-католики, соединиться (съ своими единомышленниками) въ отдѣльную православную церковь“. Въ швейцарскомъ старо-католическомъ Катихизисѣ сказано, что человѣкъ, убѣдившійся въ томъ, что настоящая, дѣйствительная церковь и есть та, которую осно-

валь Христось,—долженъ къ ней и присоединиться. Вопросъ стало быть сводится къ тому, что, къ видимой православной церкви (*die sichtbare Kirche*), существованіе которой и не думаютъ отрицать старо-католики, присоединяются ими еще нѣкоторыя лица, „видимо“ къ ней не принадлежащія. Мнѣ кажется, этимъ намъ нечего смущаться! Такія распространительныя опредѣленія не новы, они находятся и въ нашихъ старыхъ катихизисахъ (намъ было бы очень не худо иногда заглядывать въ нихъ, мы бы нашли тамъ преполезныя вещи)! Такъ въ катихизисѣ 1828 года говорится, что католическая церковь заключаетъ въ себѣ истинно вѣрующихъ всѣхъ временъ, всѣхъ мѣстъ и всѣхъ народовъ; катихизисъ временъ Екатерины Великой выражается еще шире: „католическою“, сказано въ немъ, „называется Церковь и повсюдная, для того, что подъ нею разумѣть надобно общество истинныхъ христіанъ, разсѣянныхъ по всему кругу земному. Истинно вѣрующей, гдѣ бы онъ ни былъ, до общества Соборной Христовой Церкви принадлежитъ: ибо единымъ со всѣми прочими управляется закономъ евангельскимъ, и къ единому послѣдуетъ послѣднему блаженному концу“. Опредѣленіе весьма подходящее подъ формулу старо-католическую. Замѣчу впрочемъ, что вѣдь споръ о пониманіи термина „Церковь“ въ данномъ случаѣ—споръ чисто академическаго характера: обѣ формулы примиримы. Для рѣшенія даннаго вопроса (возсоединеніе церквей) намъ необходимо знать только во 1-хъ, признають-ли старо-католики насъ, т. е. наше догматическое ученіе, вполне согласнымъ съ таковымъ-же древней нераздѣленной Церквю? и во 2-хъ, желаютъ-ли они съ нами соединиться? Несомнѣнно, что отвѣты ихъ на оба вопроса—утвердительны! Я совершенно убѣжденъ, что когда нашей синодальной комиссіею будетъ сказано старо-католикамъ, что они не должны смущаться различными схоластическими теченіями нашей богословской мысли (которыя вѣдь существуютъ и у нихъ и во всякой другой богословской школѣ), что мы твердо стоимъ лишь на вселенскомъ догматѣ, соблюдая условія выработанныя и одобренныя нами на старокатолическихъ конгрессахъ, они немедленно откажутся отъ своихъ оговорокъ, которыя нѣкоторымъ изъ насъ кажутся обидными, неудобоприемлемыми и направленными противъ „нашей вѣры“, „нашей Церкви“

(чего у ст.-католиковъ и въ умѣ никогда не было). Вообще въ этомъ дѣлѣ встрѣчается масса недоразумѣній и мнимыхъ препятствій, основанныхъ преимущественно на нашей непривычкѣ разбираться между догматами и мнѣніями. За первые (догматы) мы должны идти хотя бы на плаху, вторья—большою частію остатки наноснаго латинства, захватившаго нашу только - что зарождающуюся богословскую школу. Одинъ изъ нашихъ высоко-стоящихъ богослововъ въ письмѣ ко мнѣ, указывая на разность нашего школьнаго богословія съ истинно православнымъ справедливо говоритъ, что первое, „въ сущности своей—латинское, влѣзшее къ намъ черезъ польскій тогда Кіевъ, черезъ Л. Зизанія и П. Могилу, которые, по незнанію православія, не приняли изъ латинскихъ катихизисовъ только тѣхъ заблужденій, которыя были обличены патр. Фотіемъ“. Этотъ латинскій духъ и выражается преимущественно въ тѣхъ „Strömungen“, которыхъ такъ опасаются старо-католики и которыя въ сущности намъ столь неродственны! Все это извѣстно многимъ и многимъ изъ нашихъ ученыхъ, но лишь не многіе пока рѣшаются ясно высказаться, смѣло стать на истинно православную точку зрѣнія и отказаться отъ очень удобной и простой, но и очень неопредѣленной и условной формулы—„все что не православно—ересь“, при чемъ „православнымъ“ объявляется много такого, о чемъ древняя православная вселенская Церковь и не помышляла! Замѣчу притомъ, что православными и необходимыми часто признаются такія ученія, которыя нисколько не относятся до дѣйствительныхъ религіозныхъ задачъ, до духовной, этической жизни человѣка, а лишь до вопросовъ давно отжившихъ! „Школа наша“, справедливо говоритъ „Церковный Вѣстникъ“, „не выходитъ изъ области отвлеченныхъ понятій, не связанныхъ съ жизнью, и ограничивается большою частію виѣшной профессиональной выучкой“. (Замѣчанія Ц. В. относятся до послѣднихъ десятилѣтій).

Яркимъ примѣромъ такихъ „важныхъ вопросовъ“ можетъ служить обвиненіе старо-католиковъ въ томъ, что они „не достаточно чтутъ“ Пресв. Богородицу.

Выше я привелъ то, что о семь почитаніи сказано въ Grundriss'ѣ Ширмера. Въ старо-католическомъ катихизисѣ (1899 г.) сказано слѣдующее: „Пресв. Дѣва Марія, Мать нашего Спа-

сителя, достойна нашего совершенно особеннаго (ganz besonders) почитанія“. Кажется, категорично и вполне достаточно? Нѣтъ, говорятъ ревнители, это вопросъ крайне важный, его нельзя рѣшать такъ просто,—этого мало! Нужно еще что нибудь прибавить, и прибавляютъ—и притомъ же совершенно въ латинскомъ духѣ. Въ данную минуту въ Римѣ собираются установить догматъ о взятіи Пр. Богородицы на небо *живою* (такъ называемое Assunta—„вознесеніе“ въ противоположность нашему Успенію). Нѣкоторымъ изъ нашихъ богослововъ—завидно! „Чѣмъ мы хуже латинянъ“! Вотъ и увѣряютъ они, что и наша церковь всегда вѣровала въ вознесеніе Пр. Богородицы, и указываютъ старо-католикамъ, что имъ бы не худо, даже нужно ввести и у себя это же ученіе („догматическое, молъ“). Но нечестивые маловѣры—старо-католики отказываются отъ такого предложенія—и осуждаются! Вотъ молъ старо-католики и исторіи-то не знаютъ, мы ихъ научимъ. Знайте же, что объ этомъ вопросѣ много толковали, что и у Дамаскина..... и т. д. и т. д..... Знайте, что вопросъ этотъ волновалъ церковь. Да развѣ все то, что когда-то волновало церковную жизнь входитъ въ область догмата?! Вѣдь многое, что могло волновать древнюю церковь, не можетъ волновать насъ, людей XX столѣтія, не смотря на тождество нашей вѣры съ вѣрой древней? Развѣ православная Церковь не волновалась напр. изъ-за вопроса о реальности и созданности или несозданности Фаворскаго свѣта? И намъ стало быть нужно объ этомъ препираться и его вводить въ наше ученіе и навязывать другимъ?! А вотъ изъ-за такихъ „важныхъ“ дѣлъ мы упускаемъ изъ виду дѣйствительно важныя, *жизненные дѣла*! Мы готовы препираться о трансубстанціаціи, о двуперстіи, объ Ісусѣ, объ опрѣснокахъ, о постѣ въ субботу, о вознесеніи Пр. Богородицы... а не замѣчаемъ гораздо болѣе важныхъ вопросовъ, напр. поистинѣ ужасающаго факта хроническаго увеличенія преступности въ народѣ. До *этого* „ревнителямъ“ нѣтъ дѣла. Этимъ молъ вѣдаетъ министерство юстиціи или какое другое! Да что же оно, бѣдное министерство, въ состояніи сдѣлать? почти ничего!... Оно не вѣдаетъ вопросовъ этики, оно указываетъ лишь на то, чего дѣлать не должно, а не то, что дѣлать должно! Послѣднее—дѣло этики, религіи, дѣло Церкви. Но ежели мы будемъ по-

свящать свое время соображеніямъ о томъ, созданъ или не созданъ Фаворскій свѣтъ и т. п., мы едва ли много поможемъ поднятію нравственности нашего народа... А не это ли *главное?! главнѣйшее!?* Не такіе схоластическіе вопросы, не такія третьестепенныя заботы должны насъ поглощать, не это важно, важно позаботиться о томъ, чтобы возстановить въ нашей жизни настоящую осмысленную церковность; важно, чтобы религія и этика шли у насъ рука объ руку, чтобы онѣ не расходились; въ особенности теперь, когда невѣріе подтачиваетъ весь нашъ общественный организмъ, когда міръ собирается вторгнуться въ область Церкви! Тяжелый, страшный вопросъ!

Не совсѣмъ для меня понятнымъ является утвержденіе моего почтеннаго оппонента, что я, будто бы „не прочь (стр. 714) признать римскую церковь — *Вселенскою*“!? и это странное утвержденіе онъ основываетъ на моихъ словахъ, приводимыхъ имъ, притомъ, совершенно точно! Но у меня сказано „многіе православные богословы считаютъ римскую церковь все же церковью христіанскою, правда заблуждающеюся, но не лишенною даровъ божественной благодати, а стало быть *принадлежащею къ христіанской вселенской Церкви*“. Не понимаю, какъ мой почтенный оппонентъ, увлекшись вѣроятно амфибологичностію слова „принадлежащею“, могъ не обратить вниманія на весьма, мнѣ кажется, существенную разницу между тѣмъ, что мнѣ приписывается и тѣмъ, что я дѣйствительно сказалъ! Повторяю: я считаю, что римская церковь, не смотря на очевидныя заблужденія, какъ не лишенная благодати, *принадлежитъ*, по скольку она православна, къ Церкви вселенской. Но развѣ *принадлежать* (въ извѣстной мѣрѣ и условно) къ чему либо — значить *быть этимъ чѣмъ* либо? Да и какъ-же можетъ заблуждающаяся Церковь быть вселенскою?! Чтобы сказать такую странную вещь, я бы долженъ былъ забыть элементарнѣйшія основанія любого курса логики (это было бы хуже принятія „*pari pro toto*“)! Конечно, какъ вполне основательно замѣчаетъ пр. Керенскій, съ *такимъ* „моимъ“ (т. е. приписываемымъ мнѣ) мнѣніемъ ни одинъ православный богословъ не согласится. Смѣю думать однако, что если православный богословъ прочтетъ со вниманіемъ то, что *дѣйствительно* мною сказано, онъ придетъ къ иному заключенію. Спѣшу добавить

для устраненія какого бы то ни было недоразумѣнія, что я не допускаю и мысли о какой либо „*mala fides*“ со стороны В. А. Онъ просто не вчитался въ мои слова.

Переходя къ приводимымъ мною „авторитетамъ“, пр. Керенскій говорить, что въ подтвержденіе моихъ мнѣній я не имѣю права опираться на Филарета Московскаго. Конечно, ежелибы я говорилъ, что римская церковь есть—вселенская, я бы не могъ на него опереться, но такъ какъ я, къ счастью, никогда этого не утверждалъ, то и продолжаю считать себя въ правѣ ссылаться и на него и на остальные приведенные мною „авторитеты“, такъ какъ они, *mutatis mutandis* допускаютъ принадлежность всякаго христіанина правильно крещеннаго къ Вселенской Христовой Церкви на томъ же самомъ основаніи, на какомъ любой больной членъ человѣческаго тѣла къ нему все же принадлежитъ. Пока онъ боленъ, онъ не функционируетъ, онъ не только не живетъ съ тѣломъ общею жизнію, но даже вредитъ ей, все же однако онъ съ тѣломъ связанъ, онъ есть его (больная) часть, принадлежитъ къ нему и всегда можетъ излѣчиться. Скажутъ: да послѣ этого Церковь не можетъ предавать отщепенцевъ анаемѣ? а вѣдь это ея право и даже, въ извѣстныхъ случаяхъ и обязанность! Конечно! Вопросъ однако въ томъ: какіе размѣры даются этому понятію, какъ оно выражается на практикѣ и при какихъ условіяхъ отлученіе прекращается? Послѣднее крайне важно! Не подлежитъ сомнѣнію, что современная практика и древняя теорія очень расходятся и притомъ расходятся все болѣе и болѣе; едва ли есть основаніе жалѣть древнюю жестокость! не она оградитъ нашу религіозность и нашу церковность отъ паденій! Меня удивляетъ, что именно мой просвѣщенный противникъ какъ бы преднамѣренно обостряетъ вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ и притомъ теперь, когда наши духовныя власти сдѣлались столь предупредительны къ христіанамъ, догматически гораздо болѣе отдаленнымъ отъ насъ, нежели римскіе католики и въ особенности старо-католики—говорю объ англиканахъ (я впрочемъ этому искренно радуюсь). Милаго, симпатичнѣйшаго епископа Графтона епископы наши принимали какъ собрата, обмѣниваясь съ нимъ поцѣлуями. Воспитанники духовной Академіи встрѣчали его торжественнымъ *εις πολλα ἔτη δέσποτα*, какъ бы призна-

вая *implicite* законность его епископскаго рукоположенія (доказательству *незаконности* коего посвящены (и у насъ) многія брошюры и книги). А когда здѣсь былъ (лѣтъ 12, 13 тому назадъ) Архіепископъ Йоркскій, то къ немалому его смущенію, къ нему подходили подѣ благословеніе и наши священники! Развѣ все это было бы возможно, если бы мы (наша Іерархія) не признавали, что и эти, еретики, все же „до нѣкоторой степени“ принадлежать ко вселенской Церкви (и именно на столько, на сколько они содержатъ вселенскій догматъ)¹⁾. Ежели бы на мои взгляды ополчались тѣ, которые считаютъ рим.-католиковъ „отбросами церковнаго тѣла“, я бы это понялъ, но меня удивляетъ, что и мой просвѣщенный оппонентъ становится какъ будто на ихъ точку зрѣнія? или я ошибаюсь?

Вопросъ объ еретичности, о порядкѣ ея признанія и о наложеніи отлученія одинъ изъ тѣхъ, которые несомнѣнно подлежатъ переоцѣнкѣ въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ. Мы несомнѣнно въ этомъ отношеніи идемъ правильно впередъ. Такъ изъ-за политическихъ провинностей у насъ болѣе анаѣмъ не предають; загробнаго сна Ивана Мазепы и Гришки Отрепьева уже не нарушаютъ. Мнѣ даже кажется, что можно бы и еще подвинуться въ этомъ вопросѣ, ничуть не подвергая опасности чистоты нашей вѣры, ничуть (какъ приписывается мнѣ) не приравнивая разныхъ заблуждающихся церковныхъ обществъ—Церкви Вселенской! Признаюсь, мнѣ даже нѣсколько обидно, что моя крохотная заслуга въ разъясненіи частицы этого вопроса не признана столь хорошимъ и добрымъ моимъ знакомымъ какъ В. А. К! Заслуга эта относится именно къ выясненію еретичности Римской Церкви (которую я, по словамъ г. К. не прочь признать Церковью Вселенской). Я написалъ по нѣмецки цѣлую книжку (правда лишь въ 71 стран. „Zur Unfehabarkeit des Papstes“, гдѣ я доказываю не сомнѣнную еретичность

¹⁾ Православное Греческое духовенство въ Австраліи разрѣшаетъ англиканамъ совершеніе богослуженія въ его православныхъ церквахъ, и не считаетъ ихъ этимъ оскверненными! Согласно съ симъ, англиканскій Епископъ въ Машоналандѣ (въ южн. Африкѣ,—тамъ живетъ много грековъ) отдалъ свой соборъ православному Епископу Канди (Крита) и тотъ служилъ на англиканскомъ кафедральномъ алтарѣ православную литургію!

Ватиканскаго догмата. Она удостоилась перевода (прекраснаго) на русскій языкъ, затѣмъ переведена по англійски, по французски, по гречески и (можетъ быть я и хвастаюсь)—по сирійски—послѣдній переводъ до меня не дошелъ; и вотъ, столь близкій мой знакомый, какъ пр. Керенскій, забывъ о такомъ моемъ „подвигѣ“, думаетъ, что я не замѣтивъ страшной еретичности послѣдняго римскаго догмата, не прочь признать римскую церковь—вселенской! Нѣтъ, римская Церковь, какъ выражается патріархъ Іоакимъ, наша сестра, но сестра впавшая въ ересь, долженствующая стало быть (для того чтобы вновь стать нашей полноправной сестрой) отказаться отъ своей ереси! Филаретъ Московскій тоже говоритъ, что западные христіане не „отвергли Церкви“, что церковь Запада „отъ Бога“, что они „часть христіанства“; но конечно часть эта должна исцѣлиться и возвратиться къ истинѣ. Удерживаю тоже во всей полнотѣ и мою ссылку на отвѣтъ вселенскаго патріарха папѣ Пію IX; онъ конечно не признаетъ папы правымъ (еще бы!); но и онъ говоритъ: „разберемъ ученія *нашихъ Церквей* при свѣтѣ ученія первыхъ восьми вѣковъ (именно тотъ критерій, который былъ выработанъ участниками боннскихъ конференцій); на этомъ пути мы могли бы *встрѣтиться* въ святомъ лобзаніи *догматическаго* единства“. Повторяю: всѣ эти цитаты даютъ мнѣ поводъ утверждать, что, когда западныя церкви (а fortiori римская) исправятъ свое догматическое ученіе — онѣ станутъ уже *настоящими* нашими сестрами.

Приведу такое уподобленіе: у одной матери (древней Церкви) было нѣсколько дочерей. Семейство разрослось . . . . . однѣ изъ этихъ дочерей выросши не покинули матери, остались при ней, раздѣляя ея права и преимущества (это наши церкви), другія—увлеченныя ложными толкованіями своего гордаго ума, отошли въ сторону и отдѣлились отъ своей матери и своихъ сестеръ (это церкви западныя). Спрашивается: развѣ вслѣдствіе того, что онѣ оставили свой родной домъ, захотѣли жить своею отдѣльною жизнью, онѣ перестали быть сестрами первыхъ? Правда—онѣ внѣ дома, да;—но вотъ: малая часть одной изъ нихъ, *познавъ и признавъ* ошибку остальной, большей части, остающейся внѣ дома, торжественно отъ нея отдѣляется, отбрасываетъ свои прежнія заблужденія и снова просится въ родную ограду! Что же ей отвѣтять

остальныя сестры, оставшіяся внутри ограды, когда привратники донесутъ имъ о желаніи толкущейся въ ворота сестры? Конечно онѣ примутъ ее какъ сестру, какъ только убѣдятся, что она возстановила у себя общую ихъ вѣру, вѣру ихъ общей матери!

Заканчивая мой отвѣтъ я долженъ сказать, что одного изъ возраженій пр. Керенскаго я отъ него не ожидалъ, и признаюсь съ его стороны—оно меня затронуло! Свою отповѣдь мнѣ онѣ озаглавилъ „Кто Виноватъ“. Пиша мой отвѣтъ преосв. Сергію, я, признаться, никакъ не ожидалъ, что онѣ поведетъ къ юридическому вопросу; къ вопросу о томъ: нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ „виновнаго“, и кто имъ окажется? Эта сторона дѣла была для меня совершенно третъестепенною. Статью свою я озаглавилъ „Старо-католики и Вселенская Церковь“ т. е. совершенно объективно, безо всякой мысли о „сыскѣ“, не думая и не помышляя отыскивать виноватаго, но не скрывая и моего сожалѣнія о томъ, что дѣло не ладится, не идетъ. Мнѣ кажется, что наши усилія должны клониться не къ тому, чтобы установить чью-нибудь виновность, не къ тому въ особенности, чтобы отыскивать часто несуществующія, воображаемыя препятствія на пути воссоединенія Церквей; мнѣ кажется далѣе, что людямъ науки слѣдовало бы помогать этому дѣлу, и безъ того трудному, что они могутъ это дѣлать отнюдь не кривя душой, но ставъ рѣшительно на точку зрѣнія древне-православную, обсуждая и современный данный вопросъ *en* навѣянныхъ на нашу религію латинскихъ понятій. Препятствій и безъ того много, но они не богословскаго, не научнаго характера, а самаго утилитарнаго и оппортунистическаго. Главнѣйшее изъ нихъ то, что „пожалуй“ воссоединеніе со старо-католиками будетъ не понято необразованными массами и „пожалуй“ поведетъ къ расколу“. Это дѣйствительно аргументъ, хотя и плохой; его, нужно понимать какъ аргументъ оппортунистическій и временный, въ особенности же его нечего прикрывать научнымъ аппаратомъ: онѣ ему не къ лицу.

Но возвращаюсь къ моему почтенному оппоненту. Онѣ находитъ, что въ медлительности нашихъ переговоровъ со старо-католиками я обвиняю нашу Церковь! На стр. 701 (Христ. Чтен. Декабр. 1903) онѣ говоритъ: „Кирѣевъ приходитъ къ заключенію, что если не единственнымъ—то глав-

нымъ тормазомъ къ единенію старо-католиковъ съ правосл. Церковью въ настоящее время слѣдуетъ считать „эту послѣднюю“. Ссылка на (мои) страницы 3-ю и 4-ю. На этихъ страницахъ я ничего подобнаго не говорю. Далѣе: ссылка (въ X. Чт. стр. 703) на мою стр. 17. Я на ней дѣйствительно говорю: „старо-католики тридцать три года толкуются въ двери нашей Церкви. *Пора имъ отвѣтить*“ и далѣе: „На какомъ же основаніи“ „рѣшится“ „православный богословъ отвѣтить отрицательно (отказать) старо-католикамъ, которые (давно) обращаются къ намъ“, „которые въ продолженіи тридцати слишкомъ лѣтъ тщетно протягиваютъ намъ руку“. Здѣсь дѣйствительно есть нѣкоторое обвиненіе въ медлительности, но вѣдь дѣло идетъ о насъ, занимающихся этимъ дѣломъ, о нашихъ богословахъ, о всѣхъ интересующихся имъ, о всѣхъ помогающихъ ему или тормозящихъ его, но вѣдь всѣ эти—„мы“, не православная церковь! Вѣдь это мы, не столковавшіеся еще даже со старо-католической комиссіею, все еще ожидающей отъ насъ отвѣта! Намъ вѣдь не съ чѣмъ еще предстать передъ нашей Церковью, стало быть не съ чѣмъ къ ней обратиться! На стр. 704. пр. Керенскій говоритъ, что вкратцѣ я рассуждаю такъ: „старо-католики, будучи сами православны“ (я дѣйствительно такъ думаю) „уже болѣе тридцати лѣтъ стремятся вступить въ единеніе съ Церковью Восточною. *Восточная Церковь* однакоже отказываетъ имъ въ этомъ, требуя, чтобы они, кромѣ того, что очистили себя отъ догматическихъ заблужденій, еще ей поклонились, передъ нею бы покаялись... „И такая вещь приписывается мнѣ?! Я могъ сказать это про свою Церковь, заподозрить ее въ такихъ низкихъ чувствахъ! Нѣтъ, не о Церкви нашей говорю я это, а о насъ, о ея, подь часъ, *неумныхъ и неразумныхъ служителяхъ*, говорю о нѣкоторыхъ ея представителяхъ! Что касается до приводимыхъ словъ, несомнѣнно нехорошихъ, то я ихъ самъ слышалъ; и соотвѣтствуютъ они дурнымъ чувствамъ, о причинѣ которыхъ я говорить не стану! Въ концѣ своей статьи (стр. 729) В. А. К. еще разъ повторяетъ свое обвиненіе (безъ ссылки): „авторъ брошюры“, говоритъ онъ, „всю вину (въ медлительности) возлагаетъ на Церковь Восточную Православную, дѣлая ей упрекъ въ томъ, что она остается глуха къ 80-ти лѣтнимъ исканіямъ старо-католиковъ вступить съ нею въ единеніе!“ Нѣтъ! Г. Керенскій

ошибается; относительно медленности нашихъ отвѣтовъ позволю себѣ вывести на справку слѣд. данныя: Для рѣшенія вопроса о воссоединеніи Церквей учреждены двѣ комиссіи наша (въ Петербургѣ) и ст. католическая (въ Роттердамѣ). Въ 1897 г. Роттердамская комиссія прислала нашей свои соображенія (Gutachten) о спорныхъ вопросахъ (по соединенію церквей) нашъ отвѣтъ еще (1904) не послѣдовалъ, но причѣмъ же тутъ наша *Церковь!*? я, повторяю, о *Церкви* нашей этого не говорю! не могу я такъ говорить о ней, о Церкви нашей, дающей смыслъ и святость нашей родинѣ, говорю я это о *насъ*, стоящихъ у входа ея храма, не всегда умѣло и не всегда разумно, хотя бы и усердно, его оберегающихъ!

Павловскъ.
Февраля 1904.

А. Куръевъ.
